

Глава 29. Аргументы против измены

Лу Цунбай не стал его мучить. Вежливо бросив: «Благодарю за ответ», он вернулся на своё место.

Янь Шань покрылся холодным потом, колени мелко дрожали. Он кое-как отвечал на вопросы других слушателей, больше не решаясь даже взглянуть в ту сторону. Даже не глядя, он кожей чувствовал, как чужой взор неотрывно следует за ним.

Дело пахло керосином.

И вообще, какого чёрта великий господин Лу делает здесь, в этой аудитории?!

Открытый урок подошёл к концу, и руководство школы поднялось на сцену для общего фото. Янь Шань выдавил из себя вымученную улыбку. Зажатый в самом центре, он выглядел хрупким и совершенно растерянным, утратив весь свой привычный гонор.

У Лу Цунбая при всех его достоинствах был один махонький изъян: он был неисправимым собственником.

Гулять — можно, но под присмотром помощника. Брать заказы — пожалуйста, но проект должен сначала пройти через его руки. Поехать в родные края — только со свитой из парней в чёрных костюмах и под надзором Юань Пэя в качестве «второй линии фронта».

Рисовать тоже разрешалось, но без фанатизма. По крайней мере, творчество не должно было занимать в сердце Янь Шаня место выше, чем сам Сяо Лу-цзун. Тот считал, что обязан быть и всегда оставаться абсолютным приоритетом.

Пару раз случалось, что Янь Шань, увлекшись срочным заказом, целиком уходил в работу. Почти на месяц он оставил Лу Цунбая без внимания, чем вызвал у того настоящий стресс. В итоге Цунбай «привёл его в чувство», используя метод кнута и пряника. Если вкратце: моральное истощение и вполне ощутимая ломота в пояснице.

Янь Шань подозревал, что у Лу Цунбая тоже есть какой-то душевный недуг, но помалкивал. По крайней мере, на его фоне Цунбай выглядел образцом нормальности — он регулярно проходил психологические тесты, и результаты всегда были безупречны.

Так что Сяо Лу-цзун был официально признан психически здоровым.

А раз так, Янь Шаню ничего не оставалось, кроме как следить за своими словами и поступками, стараясь не слишком тонуть в искусстве, дабы не обидеть «сожителя». Ибо семейные ссоры обходились его пятой точкой слишком дорого.

Лу Цунбай не успел устроить допрос на тему «кто в твоей жизни важнее», так как его быстро приметили руководство школы. Выдающийся выпускник, крупный меценат — такого грех было упустить.

Его тут же взяли в оборот. Прямо на месте завязался разговор о постройке нового корпуса.

Янь Шаня тоже окружили: кто-то просил автограф, кто-то жаждал совета. Когда он наконец разгрёб основную массу дел и почувствовал, что силы на исходе, перепоручил финал ассистенту, а сам под благовидным предлогом улизнул.

Он спрятался за дверями, намереваясь подкараулить Лу Цунбая.

Тот стоял у края сцены. Янь Шань видел, как он улыбается, как вежливо и участливо беседует с людьми, уделяя внимание каждому, кто хотел к нему подойти. Несколько фраз — и собеседники заливаются весёлым смехом.

Обаятельный, элегантный мужчина с высочайшим эмоциональным интеллектом. Безупречен во всём.

Глядя на то, как Лу Цунбай непринуждённо общается в центре толпы, Янь Шань невольно почувствовал укол ностальгии. Когда-то они оба стояли у одной стартовой черты, на самом краю бедной жизни, и вместе прокладывали путь вперёд. Они начинали с одного и того же.

Но теперь Лу Цунбай ушёл далеко вперёд.

Янь Шань ощутил лёгкую горечь, которая, впрочем, мгновенно сменилась радостью. Ведь именно этого он и хотел. Лу Цунбай не сгинул в неизвестности, не остался в грязи. У него успешная карьера и счастливая жизнь — что может быть лучше?

От этой мысли на душе у Янь Шаня стало по-настоящему светло.

Прошло немало времени, прежде чем Лу Цунбай сумел вырваться из плотного кольца школьного руководства и направился к выходу.

Янь Шань, заранее предсказав маршрут, притаился на чёрной лестнице за актовым залом. Он знал: Цунбай точно не пойдёт по парадной.

И действительно, не обнаружив Янь Шаня в зале, Лу Цунбай решил, что тот ушёл, и поспешил к боковому выходу.

Янь Шань затаил дыхание. Как только Цунбай ступил на лестничную площадку, он выскочил из тени, вскинув руки:

— У-у-у!

Лу Цунбай вздрогнул и нахмурился, но, узнав Янь Шаня, тут же притянул его к себе и крепко взъерошил короткие волосы.

— Опять вредничаешь?

Довольный Янь Шань прижался к нему поплотнее и, приподнявшись на цыпочках, чмокнул его в лоб:

— Ты же говорил, что в компании завал и отпуск взять не получится?

— Отпуск я и не брал, — отозвался Лу Цунбай.

У их корпорации в городе Т был третий по величине филиал. Как раз в эти дни там праздновали годовщину основания, и руководство пригласило топ-менеджеров на приём обсудить планы развития.

Обычно генеральный босс на таких тусовках не появляется. Если только у него не кончается терпение и он не решает использовать приём как повод, чтобы найти своего «благоверного».

Лу Цунбай взял Янь Шаня за руку и с жаром произнёс:

— Раз уж я составил тебе компанию на открытом уроке, не пора ли Шань-шаню поддержать меня на вечернем приёме?

Янь Шань закатил глаза:

— Я не пойду. Ты же знаешь, я в таких местах лишний, там одни шишки. Но всё-таки, как ты умудрился так быстро прилететь?

Судя по времени, Лу Цунбай бросил трубку и рванул в аэропорт, иначе бы точно не успел к началу лекции.

— Ты сказал, что скучаешь, — ответил Лу Цунбай с явным удовольствием. Загородив собой проход и спрятав Янь Шаня в объятиях, он поцеловал его сначала в веки, а затем в губы. — Ты не рад, что я приехал?

Снова вопрос с подвохом. Янь Шань вздрогнул и поспешно закивал, отвечая на ласку:

— Конечно, рад! Ты мне всю ночь снился, а проснулся — и вот, могу тебя обнять. Я очень счастлив.

Лу Цунбай, выбрав момент, когда они оказались вне поля зрения камер и прикрывшись дверью, жадно впился в его губы.

Янь Шань ответил с готовностью. О, это знакомое чувство.

Поскольку господин Лу изволил прибыть лично, парочку, само собой, упростили остаться в Четвертой средней школе и провели для них экскурсию по кампусу.

За эти годы школа почти не изменилась: добавилось два корпуса, сменилась форма. Ученики — всё те же юные лица, полные отваги и жажды жизни.

Янь Шань почувствовал прилив нежности, когда они подошли к комплексному зданию, где проходили его уроки рисования.

— А-Цэ, помнишь? Моя мастерская была на четвёртом этаже. Когда я подвернул ногу, ты каждый божий день носил меня туда на спине.

Лу Цунбай кивнул, поддаваясь воспоминаниям:

— Да. А в одиннадцатом классе ты вечно ныл, что лестницы тебя выматывают, и заставлял меня тащить тебя наверх за руку.

Он на мгновение задумался, остановился и бросил помощнику:

— Запиши: в комплексном здании не хватает двух лифтов. В графе «даритель» укажи имя учителя Яня.

Руководство школы едва не пустилось в пляс от восторга. Янь Шань опешил:

— А-Цэ...

Ну нельзя же дарить лифты только потому, что когда-то мне было лень ходить пешком! За ними же хвостом следует толпа учителей, все всё слышали. Неловко-то как.

Лу Цунбай сохранял невозмутимость:

— Время учеников драгоценно. Тратить его на лестницы — непозволительная роскошь.

Директор лихорадочно закивал:

— Золотые слова! Мы и сами понимали, что при строительстве этот момент упустили. Какое счастье, что у нас есть такие выпускники, как господин Лу.

Вроде бы дело доброе, но какой-то осадочек у Янь Шаня остался. Впрочем, раз это поможет школе, он решил придержать свои возражения и промолчать.

Однако, раз Лу Цунбай проявил такую щедрость, не пора ли и ему внести свой вклад?

Янь Шань подумал о Художественном зале в этом здании. В его школьные годы картин там было раз-два и обчёлся. Он ходил туда каждый день, выучив каждый мазок, и мечтал, чтобы школа купила что-нибудь новое — так можно было бы сэкономить на походах в музей.

Он решил подарить школе несколько картин.

Свои работы дарить не хотелось — он не желал видеть свои шедевры в холле. Художественный зал был местом его вдохновения, там должны висеть истинные мастера.

А он... он обойдётся.

За ужином он поделился этой идеей с Лу Цунбаем. Они обосновались в частном ресторанчике в центре города, шеф-повар которого славился своим умением готовить мясо на огне.

Янь Шань в высокой кухне не смыслил ровным счётом ничего — он просто ел. Говядина была изумительной прожарки, сочная и нежная. Он и не заметил, как умял несколько порций.

Когда чувство голода наконец отступило, он с ужасом обнаружил перед собой штук пять пустых тарелок.

— Э-э... — Янь Шань замялся. В таком пафосном месте столько есть... как-то не очень элегантно.

Лу Цунбай и бровью не повёл. Подозвав официанта, он уточнил:

— Есть ли у вас рёбрышки, ближе к грудинке? Приготовьте их так же, как основное блюдо.

— Разумеется, — вежливо ответил официант. — Пожалуйста, подождите немного.

Затем на столе появилось блюдо с крупными креветками, отваренными в подсоленной воде. У них убрали всё лишнее, сохранив панцирь, чтобы запечатать вкус. Поднос украшали сухой лёд и зелень.

Блюдо было простым, явно не из основного меню. Янь Шань только хотел спросить, не Лу ли его заказал, как тот с сожалением произнёс:

— Я просил оставить хвостики, ну да ладно. Главное, что есть еда, это уже счастье.

Лу Цунбай засучил рукава и принялся чистить креветки для Янь Шаня. Он не любил, когда Янь Шаня обслуживали другие, поэтому предпочитал делать всё сам. Его движения были уверенными и точными, и вскоре на тарелке выросла гора очищенных деликатесов.

Янь Шань моргнул, внезапно что-то вспомнив, и удивлённо воскликнул:

— Ой! Я же помню, что ты не умел их чистить. Когда научился?

Бедный ребёнок в прошлом едва сводил концы с концами, какие уж там креветки.

Лу Цунбай усмехнулся:

— Ты и научил. Сказал, что если почистишь мне две, я должен буду вернуть тебе три.

Янь Шань впал в ступор:

— Когда это было? Хоть убей, не помню!

— Лето после выпускного, — подсказал Лу Цунбай.

— Это уже за гранью моих воспоминаний! — Янь Шань расстроился, так как до того периода его память ещё не «прогрузилась». — Дай подсказку?

Лу Цунбай вытер руки и заткнул ему рот сочной креветкой:

— Не торопись. У тебя ещё полно времени.

За ужином время пролетело незаметно, и Янь Шань почувствовал себя набитым до отказа мячом.

— Объялся... — простонал он. — Схожу в уборную. Нам же ещё за картинами идти.

Лу Цунбай легонько хлопнул его по плечу:

— Иди. Потом заглянем в торговый центр, там, говорят, открылась галерея.

Янь Шань, пошатываясь, удалился. Когда он вернулся, Лу Цунбай как раз отвечал на звонок. Глядя ему в спину, он увидел, как тот бросил короткий взгляд на экран и холодно произнёс:

— Сейчас неудобно.

Янь Шань тихо сел на своё место, ожидая, пока Цунбай закончит разговор. С той стороны что-то говорили, но Лу Цунбай остался непреклонен:

— Свяжемся позже.

И нажал на отбой. Янь Шань мельком увидел имя в списке вызовов.

«Шэнь Линь».

Он невольно вскинул брови и выпалил:

— Кто это?

Лу Цунбай небрежно убрал телефон:

— А, партнёр по бизнесу.

— Вы близко знакомы? — допытывался Янь Шань.

— Совсем нет, — отрезал Лу Цунбай.

«Тогда почему у тебя в кабинете досье на этого Шэнь Линя, и зачем ты таскал его в наш бар?» — вертелось на языке у Янь Шаня. Но он сдержался.

Лу Цунбай прилетел в город Т за тысячи километров только потому, что он, Янь Шань, по нему соскучился. В его чувствах сомневаться не приходилось. Раз он не хочет объяснять, кто такой этот Шэнь Линь, значит, на то есть причины.

Янь Шань решил, что у каждого должно быть личное пространство и свои секреты. Он уважал право любимого человека на тайну.

Лу Цунбай скормил ему последнюю креветку и протянул стакан холодного чая без сахара. Янь Шань задумчиво тянул напиток через трубочку, уставившись в одну точку. Мысли его витали далеко.

Лу Цунбай подпёр голову рукой и внимательно посмотрел на него:

— Что-то мой воробушек притих. О чём ты думаешь?

Янь Шань не сразу вышел из оцепенения:

— М-м... Я тут подумал... если я найду себе замену ещё до того, как ты мне изменишь, это будет считаться крайней необходимостью или превентивным ударом?

Лу Цунбай:

—... Что?

Он нахмурился, и Янь Шань тут же спохватился, осознав, что ляпнул лишнего:

— Нет-нет! Я не это имел в виду!

— А что же тогда? — в голосе Лу Цунбая послышался холод.

Поняв, что «семейное гнездышко» вот-вот вспыхнет, Янь Шань поспешно пошёл на попятную:

— Виноват! Я вовсе не собирался никого искать. Просто я подумал... что ты мне изменяешь.

Лу Цунбай посмотрел на него как на сумасшедшего:

— И с кем же?

Янь Шань честно опустил голову:

— С Шэнь Линем.

Лицо Лу Цунбая исказилось от боли, краски на нём менялись одна за другой. Судя по виду, давление у него подскочило до предела.

Янь Шань понял, что влип, и принялся оправдываться:

— Ну я же говорю — я ошибся! Успокойся, пожалуйста. Просто я нашёл в твоём шкафу папку с информацией об этом типе. А Пэй-пэй видел, как ты привёл его в бар. И ты мне ничего не сказал... Конечно, я навоображал лишнего!

Лу Цунбай тяжело дышал, он то краснел, то бледнел, то становился почти серым.

— Ты меня в могилу сведёшь, — выдохнул он наконец.

Янь Шань виновато съёжился:

— Прости, честное слово.

Лу Цунбай сдержался, чтобы не наговорить лишнего, и, немного успокоившись, заговорил:

— Этот человек крутится в шоу-бизнесе. У компании с ним несколько общих проектов, в том числе права на коммерческое использование твоих работ. Он предложил отличную цену, и я решил, что сделка будет выгодной. А в бар я его повёл, чтобы закрепить договорённости — таков этикет.

Лу Цунбай редко лично вёл переговоры, обычно используя Вэнь Чжаочжао как посредника, а сам оставаясь в тени. Единственное, что могло заставить его «выйти на арену», — это дела, касающиеся Янь Шаня.

— Твои работы — это твой труд. Я не могу позволить всяким проходимцам распоряжаться ими как попало.

В этих словах проскользнуло нечто от прежнего, прямолинейного Лу Цунбая. Янь Шань не выдержал и прыснул.

— Мог бы и мне сказать. Я хоть и не делец, но послушать-то интересно.

Лу Цунбай притянул его к себе и со злостью — но любя — потрепал по макушке, всё ещё кипя из-за подозрений в измене. Видимо, этого показалось мало, и он принялся щипать Янь Шаня за мягкую щеку.

— Пощади! — взмолился тот.

Лу Цунбай запечатлел на его губах крепкий поцелуй:

— Просто рисуй то, что тебе нравится. А всю эту грязь и суету оставь мне.

Он замолчал, словно что-то обдумывая, а затем добавил:

— Этот Шэнь Линь — скользкий тип. Ради выгоды пойдёт на всё. Опасный человек. Если когда-нибудь с ним столкнёшься — не вздумай иметь с ним дел.

Янь Шань, всё ещё зажатый в его объятиях, моргнул:

— Понял. Большие воротилы все такие — с камнем за пазухой. Мне с ними не тягаться, буду держаться подальше.

Лу Цунбай наконец успокоился и нежно поцеловал его:

— Умница мой.

После ужина они направились в галерею в самом центре торгового квартала. Лу Цунбай пообещал сопровождать супруга до победного конца, но попросил заехать домой переодеться.

Янь Шань окинул его взглядом:

— Да ты и так отлично выглядишь. Очень стильно.

Лу Цунбай со своей статью был будто рождён для дорогих костюмов — мужественный и неотразимый. Но тот, коснувшись своих серебряных запонок в виде гончих, покачал головой:

— Этот наряд для особых случаев. Поехали, сменим гардероб.

Янь Шань послушно поехал с ним. Через полчаса Лу Цунбай вышел из спальни в спортивном костюме цвета корицы.

Янь Шаню аж глаза резало от этой «красоты».

— Ну почему именно этот?! — простонал он. — Он же жуткий!

Лу Цунбай с сомнением осмотрел себя:

— Но у меня только одно худи — вот это. А я хочу, чтобы мы были одеты в одном стиле.

Янь Шань нахмурился, потирая подбородок:

— Неужели я забыл купить тебе новые вещи?

— Забыл, — удручённо подтвердил Лу Цунбай.

— Ладно, пока носи этот. Позже заглянем в мою мастерскую — я нарисовал для тебя кучу эскизов одежды, видимо, совсем закрутился и оставил их там.

Янь Шань хлопнул себя по лбу и взял Лу Цунбая за руку:

— Пошли, будем тебя окультуривать!

<http://bllate.org/book/17575/1713658>